

награде, но офицер штаба, который доставлял документы в Москву, погиб, а с ним погибли и все представления. Да и сама дивизия понесла огромные потери и через какое-то время перестала существовать. Вскоре Мария Львовна была тяжело ранена. Почти год она пролежала в гипсе в разных госпиталях страны. Врачи говорили, что ходить она уже не сможет никогда. Но она поднялась, сначала с помощью костылей, потом палочки, вернулась к учебе. МИФЛИ, из-за огромных потерь студентов на войне, перестал существовать, и Мария Львовна завершила свое философское образование в МГУ. Потом была аспирантура, а в 1947 году она, вместе со своим мужем, известным ученым-философом Иваном Петровичем Головахой, приехала в Киев. С тех пор ее профессиональная судьба была связана с Киевским университетом имени Тараса Шевченко. Мария Львовна не только научилась ходить без палочки, но и родила двоих сыновей.

...Когда-то, лет пятнадцать назад, в ИПК проходила встреча Нового года. Вместе со слушателями каждый член кафедры готовил свое выступление. Подготовилась и я, назвав свое выступление “Куда мне до них”. В стихотворной, несколько шутливой форме, я выразила свое отношение к каждому члену кафедры. О Марии Львовне я написала так:

Воевала и рожала,
Но не только сыновей.
Все наборы поражала
Гениальностью идей.
...Куда мне до нее...

...Гегель когда-то, в связи с Гете, говорил о проблеме присутствия гения. Единственным отношением к гению, говорил он, может быть только любовь.

... Марию Львовну мы любили.

АЛЕКСАНДРА ЛЕВИЦКАЯ,
доктор философских наук

Мария Львовна

Первые дни вожденной студенческой жизни. Занятия на философском факультете шли в третью смену — в послевоенном 1948-м университет еще отстраивался. После дневного школьного сумеречное университетское бытие вносило полную сумятицу — и не только в привычный жизненный распорядок, но и в представления о том, как и чему я буду учиться на философском факультете. Сумбур вместо логики — такое ощущение оставляли лекции по диалекту профессора Ф.Ф.Еневича и его коллег. Но винила, конечно, во всем себя, свою неспособность воспринять особого рода науку, каковой, по уверению наших профессоров, был диалект. Комплекс неполноценности, доводивший порой до отчаяния 18-летнюю девицу, лишь усилился при попытке отыскать логику в первоисточниках. “Материализм и эмпириокритицизм” доконал окончательно. Начинались семинарские занятия,

которые, не сомневалась я, выявят мою полную несостоятельность. На этой “приятности” я сосредоточилась, лишь краем уха прислушиваясь к вводному слову небольшого роста худенькой белокурой девушки, как мне показалось, почти моей сверстницы. Сперва включил внимание тембр ее голоса, глубокого и неожиданно сильного для такого хрупкого создания. Затем за словами начали проступать смыслы, и совершенно непроизвольно я оказалась вовлеченной в потоке ее мысли, логически стройной и в то же время сдобренной теми благодатными “НО” и тонкой иронией, которые сразу отделили ее интеллектуальные построения от служебных проповедей адептов.

Интеллектуальной школой, духовным и душевным отдохновением стали придуманные самой Марией Львовной факультативные семинары по Гегелю, на которых блистательно солировали Сережа Крымский и Слава Попович. По признанию Марии Львовны, эти семинары служили опорой и для нее самой, начинавшей свою преподавательскую деятельность в сумеречном Киевском университете образца 1948 года.

Шло последнее пятилетие жития вождя. Университет сотрясали разоблачительные кампании. В разгар дела врачей заведующий кафедрой диамата Ф.Ф.Еневич поручает преподавателю М.Л.Злозиной прочесть для партактива университета лекцию о еврейском буржуазном национализме. Лекцию нужно начать, настаивает он, с разоблачения Фанни Каплан, ибо именно по причине своего еврейского национализма она стреляла в Ленина. “Я знаю, что Каплан была эсеркой. О ее еврейском национализме мне ничего не известно”, — парировала Мария Львовна. Лекция была сугубо теоретической, без актуальных примеров и иллюстраций. Что, понятно, стало предметом грозных порицаний, не претворенных в “практические выводы” по причине смерти вождя.

После сообщения о фабрикации дела врачей Еневич изо всех сил пытался узнать, на каком таком уровне у его строптивой подчиненной есть “рука там”, кто ее предупредил, что будет отбой. К слову сказать, дуэль между ними длилась долгие годы. “Ф.Ф. снова уличает меня в идеализме, я его, как всегда, — в идиотизме”, — сообщала Мария Львовна после очередного заседания кафедры.

В те жутковатые времена Мария Львовна ни в своих лекциях, ни в публичных выступлениях не допускала того, от чего ей пришлось бы потом открещиваться. “Охранные грамоты” ее души — интеллектуальная честность, самоуважение творческого человека, любовь к ближним (“моя семья — муж Иван Петрович, сыновья Анатолий и Евгений — моя крепость”), дружелюбие и неизбывная доброжелательность (она ни с кем не враждовала, никогда не злобствовала, лишь посмеивалась порой горьковато). И конечно же, неиссякаемый юмор.

При всей своей ироничности Мария Львовна всерьез принимала идеалы своего поколения и своего времени. Двадцатилетняя студентка МИФЛИ пошла в 1941-м полевой санитаркой в московское ополчение и лишь чудом выжила после трех снайперских попаданий — в бедро, руку и возле глаза. Каково было очнувшейся после болевого шока девочке услышать спор врачей. “Дайте ей спокойно умереть”, — изрек один. Второй сказал: “Ампутацию ногу, и, может быть, выживет”. А третий: “Иду на риск — попробую сохранить ногу”. До конца жизни Мария Львовна прихрамывала, но это не мешало ей отплясывать почище иных, пульей не задетых. А повеселиться она

умела и любила. И пела замечательно, особенно юморные песни. А какие устраивала застолья, какой была тамадой!

Сейчас не могу припомнить, как и когда началась наша дружба — она вошла в мою жизнь столь органично и столь основательно. В памятные 60-е (я работала тогда почасовиком в университете) Мария Львовна вела занятия в ИПК, в которых я стремилась поучаствовать при любом удобном случае. Уже в Иерусалиме, работая над проектом “Философия в СССР: 60-е годы”, я пыталась показать, как развивалась свободная мысль в подцензурных работах тех лет. Думаю, со мной согласятся те, кому посчастливилось пройти курс у Марии Львовны, — ей удавалось высвободить мысль и дать ей импульс при раскрытии любой темы, даже самой что ни на есть нормативной.

Мы много говорили тогда о переменах. Свою былую серьезность (я ее тоже разделяла) Мария Львовна окрестила “патриидиотизмом”. Но ее ирония и самоирония ни тогда, ни во все последующие эволюции и революции ничего общего не имела с примитивом всеотрицающих обличений. Постсоветскую реальность она оценивала как процесс распада, тяжкий всегда, но особенно — в случае распада “абсурдного социума”. Но и тут она полагалась на свой неиссякаемый “исторический оптимизм”, резонно замечая, что ничего лучшего “при абсолютном обнищании” в запасниках нет.

Одним из самых тяжелых испытаний, сопровождавших мой переезд в Израиль в 1976 году, было расставание с Марией Львовной, тогда считалось — навсегда. Она была почти на всех моих многочисленных проводах, и я, помню, жутко нервничала из-за риска, которому она себя подвергала. “Мила, я Вас не узнаю. Вы хотите, чтобы я и себя перестала узнавать?”, — отметала она мои беспокойства.

В Израиле я часто ловила себя на том, что мысленно показываю ей то, что нравится мне, а при соприкосновении с государственными службами демонстрирую универсальность выведенной нами формулы: “дурацкая борьба за дурацкое существование”. И конечно же, Мария Львовна оставалась моим гуру в Иерусалимском университете — при ее невидимом участии я строила и перестраивала свои здешние работы. Могла ли я надеяться, что она, уже не в воображении, а во плоти будет докладчиком на конференции в том самом Центре, где я работала все эти годы? В эмоциональной теме об украинско-еврейских отношениях Мария Львовна, как всегда, сумела дойти до “рационального зерна”. Это был ее первый приезд в Израиль.

За ним последовал второй. О многом-многом мы говорили тогда. Наши страны, народы, семьи, друзья, судьбы, книги, дети, внуки; что было, чем стало, как будет... Конечно же, и анекдоты. Сошлись на том, что разговор шизоидный, но разве можно было на чем-то одном остановиться?

Следующей должна была быть наша встреча в Киеве. Я опоздала ... И теперь уже не в Иерусалиме, а в Киеве вела беседы с Марией Львовной в ее отсутствие. До сих пор именно оно — ее отсутствие — кажется мне воображаемым и лишь присутствие — реальным.

ЛЮДМИЛА ДЫМЕРСКАЯ,
кандидат философских наук,
главный редактор альманаха
“Евреи СССР на перепутье” (Иерусалим)